

С. Дикштейн

Кто чем живет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Дикштейн**
Кто чем живет / С. Дикштейн – М.: Книга по Требованию, 2021. – 42 с.

ISBN 978-5-517-96585-1

ISBN 978-5-517-96585-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Да развѣ не все равно жить своимъ трудомъ и содержать себя имъ?

Нѣтъ, не все равно, и вотъ почему. Если бы сапожникъ, портной, земледѣлецъ и всѣ прочіе люди дѣйствительно жили своимъ трудомъ, если бы, какъ это было прежде, они заготавливали все необходимое у себя на дому, то каждый изъ нихъ могъ бы быть увѣренъ, что хотя положеніе его не всегда будетъ одинаково, но съ голоду онъ не умретъ и какъ-нибудь да вывернется.

Теперь же сапожникъ шьетъ только сапоги, онъ заготавливаетъ ихъ столько, сколько можетъ, чтобы потомъ продать, какъ всякій иной товаръ. Если найдется купецъ — хорошо; сапожникъ продастъ сапоги и на вырученныя деньги купить себѣ все необходимое. А если не продастъ? Что тогда? Развѣ накормитъ онъ дѣтей своими сапогами? Развѣ заплатитъ онъ ими подати, развѣ возвратитъ долъ свой ростовщику или банкиру и т. п.?

Теперь вы видите, что содержать себя собственнымъ трудомъ и жить собственнымъ трудомъ — не одно и то же.

Пока люди приготавливали все нужное у себя дома, пока они мало продавали своихъ товаровъ, до тѣхъ поръ можно было сказать, что они живутъ своимъ трудомъ; но съ того времени, какъ люди стали выдѣлывать сапоги, замки, одежду и т. п. на продажу, они стали меньше работать дома на себя, а больше на другихъ. И теперь варшавскій сапожникъ сталъ шить башмаки для русскаго ремесленника; русскій ткачъ сталъ работать надъ станкомъ для варшавскаго сапожника; американскій колонистъ запасается хлѣбомъ для англійскихъ рабочихъ, англійскіе же рабочіе стали снабжать желѣзными и стальными издѣліями варшавскихъ работниковъ.

Слѣдовательно, съ того времени, какъ установилось производство на сбытъ, на продажу, — никто не работаетъ на себя, никто не живетъ собственнымъ трудомъ, но трудомъ чужимъ, трудомъ другихъ людей.

II.

Хорошо. Никто, значитъ, не живетъ, а всѣ только содержать себя своимъ трудомъ; это ужъ должна быть несомнѣнная правда.

Но и это еще не совсѣмъ правда. Много можно было бы прибавить къ этому. Но пока положимъ, что есть большая доля правды въ томъ, что каждый содержитъ себя своимъ собственнымъ трудомъ.

Но почему же именно **трудомъ**? Потому что когда кто-нибудь продаетъ свое издѣліе, будь это сапоги или платье, посуда или ножи, то его товаръ цѣнится по труду и платятъ ему сообразно съ трудомъ. Пояснимъ это подробнѣе. Положимъ, что сапожникъ работалъ надъ сапогами цѣлый день, получилъ за это 10 аршинъ полотна. Въ предположеніи этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго: работалъ, а за то получилъ полотно. Но представьте себѣ на минуту, что есть на свѣтѣ такая счастливая страна, гдѣ сапоги падаютъ съ неба. Такой страны нѣтъ, но еслибы и была, то какъ вы думаете, много-ли въ ней платили бы сапожнику за сапоги?

Конечно—ничего. Люди говорили бы, что за сапоги ничего не нужно платить, что не стоятъ они труда, и что, слѣдовательно, каждый можетъ ихъ имѣть; нашъ сапожникъ, чтобы не умереть съ голоду, долженъ былъ бы взяться за иную работу.

Хотя у насъ сапоги на деревьяхъ и не растутъ, но есть много такихъ вещей, за которыя ничего нельзя получить, которыя ничего не стоятъ, потому только, что на нихъ вовсе не пошло труда. Ни за воду изъ источника, ни за песокъ въ рѣкѣ никто ничего не платитъ, потому что не нужно тратить труда на то, чтобы ихъ добыть, потому что они были готовы раньше, чѣмъ человѣческій трудъ былъ къ нимъ приложенъ.

Но за то, чѣмъ больше вещь заключаетъ въ себѣ человѣческаго труда, тѣмъ больше, какъ говорятъ, содержитъ она **стоимости**, тѣмъ больше за нее дадутъ. За аршинъ полотна дадутъ больше, чѣмъ за аршинъ

коленкору. Почему? Потому что аршинъ коленкору скорѣе и легче сработать, потому что въ него надо вложить меньше труда, чѣмъ въ аршинъ полотна. Золотая цѣпочка дороже стальной. Почему? потому-ли, что золото лучше блеститъ, потому-ли, что оно тяжеле? Нѣтъ, стальная цѣпочка можетъ блестѣть и вѣсить столько же, сколько и золотая, но золото труднѣе достается: необходимо много труда, чтобы его достать изъ земли, и, слѣдовательно, въ золотой цѣпочкѣ заключается больше труда, чѣмъ въ стальной.

Поэтому-то, когда ремесленнику, сапожнику, портному или пекару платятъ за сапоги, сюртукъ или хлѣбъ, то въ дѣйствительности имъ платятъ за трудъ, который заключается въ этихъ сапогахъ, этомъ сюртукѣ, этомъ хлѣбѣ. Если для приготовления булки потребуется 1 часъ времени, а для того, чтобы сшить пару сапогъ 10 час., то за пару сапогъ можно получить 10 булокъ, ибо трудъ, заключающійся въ сапогахъ (или какъ говорятъ, стоимость сапогъ) въ 10 разъ больше труда, заключеннаго въ хлѣбѣ (или стоимости хлѣба*).

Если за аршинъ сукна платятъ серебряный рубль, то это потому, что на выработку сукна (т. е. на уходъ за овцами, на стрижку шерсти, на окраску сукна) требуется столько же труда, сколько и на выдѣлку одного серебрянаго рубля (на отысканіе серебра, на его привозъ, переплавку и т. д.), напр., 10 час. За аршинъ коленкора платимъ только гривенникъ, потому что на выработку его (на посѣвъ хлопка, на тканье, на краску) пошло не 10 час., а всего лишь 1 часъ.

Вотъ почему можно говорить и писать, что сапожникъ, портной, столяръ, слесарь, вообще работникъ содержитъ себя своимъ трудомъ. Всѣ они заготавливаютъ различныя вещи; вещи эти, какъ товаръ, доставляются на продажу и за нихъ платятъ какъ разъ столько, сколько въ нихъ заключается труда.

*) Если бы васъ спросили, какова стоимость стакана, сапоговъ, платья, то вы могли бы отвѣтить, что стоимость ихъ есть трудъ, вложенный или заключенный въ этомъ стаканѣ, сапогахъ, платьѣ.

Итакъ, слѣдовательно, чѣмъ больше какой-нибудь ремесленникъ работаетъ, чѣмъ больше онъ вкладаетъ труда въ товаръ, тѣмъ больше онъ вкладываетъ своимъ трудомъ въ него стоимости, тѣмъ больше онъ получитъ при продажѣ, тѣмъ лучше ему заплатятъ за товаръ.*)

— Вотъ видите-ли, могутъ мнѣ сказать теперь. Вы взялись-было сказать что-то такое, что фабриканты и наниматели утаиваютъ отъ насъ, а теперь сами говорите тоже, что и они, а именно: кто больше работаетъ, тотъ больше и получаетъ.

Но подождите, не слѣшите съ упреками, а выслушайте меня. Выше я сказала, что чѣмъ больше ремесленникъ вкладываетъ труда въ товаръ, тѣмъ больше онъ за него получаетъ. Сапожникъ за башмаки съ двойными подошвами, хорошо сработанные, получитъ больше, чѣмъ за башмаки дурно сшитые. Все это вѣрно. Но чтобы нашъ сапожникъ могъ шить башмаки, ему нужна кожа, орудія, мастерская, а все это стоитъ денегъ. Слесарь, если хочетъ заготовить замки, также долженъ нанять мастерскую, купить инструменты, жить известное время, пока не продастъ своихъ замковъ. А на это опять нужны деньги. У кого есть деньги, тому ничего: устроить мастерскую, будетъ изготовлять товары, а потомъ будетъ ихъ продавать сообразно съ ихъ стоимостью, т. е. сообразно съ трудомъ, въ нихъ вложеннымъ. Но какъ быть тому, у кого нѣтъ денегъ, кто не можетъ открыть мастерской, кто не можетъ производить никакихъ товаровъ, не имѣя для этого ни матеріаловъ, ни орудій? Что дѣлать человѣку, который— какъ это часто бываетъ — не имѣетъ и не можетъ имѣть ни отъ кого помощи, а между тѣмъ долженъ жить, ѣсть, пить, одѣваться? Въ настоящее время, чтобы что-нибудь купить на рынкѣ, пищу-ли, одежду-ли, необходимо имѣть либо деньги, либо товаръ на продажу. У нашего работника денегъ нѣтъ, товаръ имѣть онъ не можетъ, слѣдовательно, чтобы ѣсть, онъ дол-

* См. приложеніе.

женъ продавать себя, долженъ стать наемникомъ, невольникомъ, долженъ нанматься на работу.

— Какъ это такъ — „продать себя“, „сдѣлаться невольникомъ“? Вѣдь работа на фабрикѣ, работа у мастера еще не неволя. Какъ мастеровой, такъ и фабричный рабочій — народъ вольный, работаетъ, у кого хочетъ и сколько хочетъ, и никто не имѣетъ права ему приказывать.

Знаемъ мы эту свободу! Знаемъ, какъ мастеръ помыкаетъ мастеровыми, знаемъ, какъ на фабрикахъ тысячи рабочихъ должны кланяться и унижаться передъ всякимъ послѣднимъ писаремъ! Развѣ смѣютъ они громко заявить о своихъ правахъ, отвѣтить на грубость грубостью? Развѣ они смѣютъ возразить что-нибудь фабриканту, когда тотъ понижаетъ плату или урѣзываетъ отъ недѣльнаго заработка? Нѣтъ, не смѣютъ, потому что они невольники и знаютъ, что если фабрикантъ не стоитъ за ними съ кнутомъ, то стоитъ за ними голодъ, который страшнѣ всякаго кнута.

Человѣкъ, который продаетъ свой трудъ, не можетъ быть свободенъ: онъ долженъ имѣть господина и дѣйствительно имѣетъ его. Свободны только люди, которымъ нѣтъ надобности продавать себя. А такой свободы трудно теперь добиться. Работникъ идетъ на фабрику, потому что долженъ идти, такъ какъ не имѣетъ собственнаго матеріала и орудій, онъ повинуется фабриканту, потому что не можетъ не повиноваться, потому что у фабриканта есть два сильныхъ помощника: во-первыхъ, правительство и войско, а во-вторыхъ, голодъ, который угрожаетъ рабочему на случай безработицы. Трудно вести борьбу съ такими врагами, еще труднѣ побѣдить ихъ; впрочемъ, правда и то, что работники у насъ до сихъ поръ почти и не пробовали бороться.

III.

— Невольникъ или не невольникъ, — это въ сущности все равно, возразите вы мнѣ. Дѣло не въ томъ,

кто — невольникъ, и кто — человѣкъ свободный, а въ томъ, правда-ли, что каждый можетъ собственнымъ трудомъ приобрести себѣ богатство. И опять я скажу вамъ,—не торопитесь, дойдемъ и до этого; надо же все разобрать, какъ слѣдуетъ.

Всякій работникъ, будь онъ слесарь, столяръ, портной или сапожникъ, идетъ продавать себя, если не имѣетъ ни денегъ, ни орудій, ни мастерской для работы на дому. Рано или поздно онъ находитъ, наконецъ, фабриканта или мастера, который его покупаетъ.

Почему же онъ его покупаетъ? Потому-ли, что ему понравилась наружность рабочаго? Нѣтъ. Потому-ли, что онъ сжалился надъ нимъ и хочетъ помочь въ бѣдѣ? Опять таки нѣтъ. Покупаетъ онъ его, зная, что работникъ умѣетъ и можетъ управлять станкомъ, ковать молотомъ, точать подошвы, однимъ словомъ, потому, что онъ умѣетъ работать.

Покупая его, мастеръ или фабрикантъ думаетъ единственно о силѣ и умѣніи работника. Не будь у него этой силы, фабрикантъ не взялъ бы его и даромъ. Ему нужна только рабочая сила. Весь вопросъ для него въ томъ, сколько заплатить за эту силу; въ томъ вся задача. Не трудно понять, сколько надо заплатить за стаканъ, за корзину, за пару сапогъ и т. д. Опредѣляется это количествомъ часовъ труда, потраченнаго на выдѣлку этихъ вещей. Допустимъ, что на приготовленіе стакана потрачено полъ-часа труда, на изготовленіе пары сапогъ 10 час., на изготовленіе тарелки — 1 часъ. Допустимъ, что у насъ обыкновенно за часъ работы платятъ 10 коп. (потому что въ серберянномъ гривенникѣ тоже 1 часъ труда). Не трудно теперь найти, что стоитъ стаканъ. Если на него пошло полъ-часа труда, то, значитъ, онъ стоитъ половину гривенника или 5 коп. Если на сапоги пошло 20 часовъ, то они стоятъ 20 гривенниковъ или 2 рубля; если на тарелку употреблено 1 часъ, то она стоитъ гривенникъ.

Но какъ опредѣлить, сколько стоитъ человѣкъ,

сколько заплатить за его силу. Да и хорошо-ли оцѣнивать человѣка какъ товаръ?

Хорошо или не хорошо,—это другой вопросъ; но такъ теперь дѣлается: сила человѣка оцѣнивается какъ товаръ. Допустимъ же, что рабочій, т. е. его рабочая сила покупается на одинъ день. Допустимъ далѣе, что этотъ работникъ, чтобы жить и работать, чтобы поддерживать свою рабочую силу, долженъ получать ежедневно 60 коп., которыя онъ затрачиваетъ (на ѣду, жилище, одежду и т. д.), чтобы возстановить свои силы, въ такомъ случаѣ мы можемъ сказать, что рабочая сила стоитъ 60 коп. или 6 часовъ труда*) (если гривенникъ имѣетъ ту же стоимость, что и 1 часъ труда).

Фабрикантъ отлично знаетъ, что рабочая сила стоитъ 6 час. труда, т. е. столько, сколько стоитъ 6 тарелокъ или 12 стакановъ, и платитъ, поэтому, работнику за его силу, какъ за товаръ, стоющій 60 коп. Итакъ, работникъ всегда получаетъ за свою рабочую силу столько, сколько ему необходимо нужно на его скудное содержаніе.

Теперь еще разъ вернемся къ нашему вопросу: зачѣмъ фабрикантъ покупаетъ рабочую силу? — Зачѣмъ продаетъ ее рабочій — это понятно: къ этому вынуждаетъ его голодъ, который сильнѣе врожденнаго всякому человѣку чувства свободы, сильнѣе стыда.

Итакъ, зачѣмъ же фабрикантъ покупаетъ рабочую силу? Для забавы? Нѣтъ. Такъ зачѣмъ же? Затѣмъ, чтобы получить прибыль, затѣмъ, чтобы обогатиться „собственнымъ трудомъ“, какъ онъ любитъ выражаться.

Выяснимъ себѣ это на примѣрѣ. Допустимъ, что кто-нибудь открылъ хлопчатобумажную фабрику. Положимъ, что хлопокъ куплено на 1400 руб., машинъ на 80 руб., газу и всего прочаго израсходовано на 24 рубля, и что фабрика пущена въ ходъ. Какъ вы думаете, почему фабрикантъ открылъ фабрику? Очевидно потому, что

*) Нужно помнить, что стоимость рабочей силы равняется столько-кимъ часамъ работы, сколько требуется на поддержаніе жизни рабочаго.

желаетъ продать пряжу дороже, нежели заплатилъ за хлопчатую бумагу, машины и проч. Очевидно, когда онъ получить изъ хлопчатой бумаги пряжу, то не продасть ее за 1504 руб., но захочетъ получить, положимъ, 2000 руб.*) Но желать—еще не достаточно, нужно дѣйствительно получить 2000 руб., а получить-ли онъ ихъ—это еще вопросъ. Если бы могло совершиться такое чудо, что машины пряди бы хлопчатую бумагу безъ помощи работниковъ, и еслибы нашъ фабрикантъ принесъ свою пряжу купцу и пожелалъ получить 2000 рублей, то купецъ отвѣтилъ бы ему просто такъ: въ твоей пряжѣ есть, во-первыхъ, стоимость хлопчатой бумаги, т. е. 1400 руб., затѣмъ стоимость машинъ или 80 руб. и, наконецъ, стоимость угля, газа и проч., или 25 р., всего вмѣстѣ стоимости на 1504 р., ни больше ни меньше, и ни гроша сверхъ того я тебѣ не дамъ.

Не знаемъ, понравился-ли бы фабриканту такой отвѣтъ. Знаемъ только, что до сихъ поръ машины сами работать не могутъ, и что, къ счастью для фабрикантовъ, при машинахъ долженъ работать человекъ. Понимая это фабрикантъ нанимаетъ, положимъ, 100 рабочихъ и платитъ имъ за рабочую силу, какъ за товаръ, по 60 коп. въ день.

Работникъ, нанятый за 60 коп. въ день, очищаетъ хлопчатую бумагу, прядетъ, дѣлаетъ мотки и т. п., однимъ словомъ, работаетъ, вкладывая въ хлопчатую бумагу свой трудъ.

Послѣ перваго часа онъ вложитъ только одинъ часъ труда или повыситъ ее стоимость на 10 коп. (если часъ труда стоитъ 10 коп.), послѣ двухъ часовъ, вкладывая часть труда, онъ возвышаетъ ее стоимость на 20 коп., послѣ трехъ часовъ онъ вложитъ три часа или повыситъ всю стоимость на 30 коп. и т. д., наконецъ, послѣ шести часовъ труда стоимость повысится на 60 коп., ровно на столько, сколько фабрикантъ заплатитъ за его

*) 1504 руб. есть общія сумма его издержекъ въ этомъ примѣрѣ. 1400 руб. стоитъ хлопокъ, 80 руб. машины, 24 руб. газъ и проч., итого 1504 руб.

рабочую силу. И такъ, послѣ 6 часовъ труда работникъ совершенно отработаетъ свою плату. Такъ работаетъ онъ цѣлую недѣлю, по истеченіи которой фабрикантъ забираетъ пряжу и несетъ ее на рынокъ, желая снова получить 2000 рублей.

— Сколько хочешь за пряжу? 2000 рублей? — говоритъ купецъ — это слишкомъ много! Развѣ ты думаешь, что въ твоей пряжѣ дѣйствительно заключается стоимости на 2000 руб.? Гдѣ тамъ! Посчитаемъ вмѣстѣ. Въ пряжѣ заключается стоимость хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость машины на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 руб. и стоимость рабочей силы на 360 руб. (если въ теченіи недѣли работали сто рабочихъ шесть дней по шести часовъ въ день, съ платою по 10 коп. въ часъ: $6 \times 6 \times 100 \times 10 = 360$ руб.) или всего вмѣстѣ въ пряжѣ заключается стоимости на 1864 руб. Могу, слѣдовательно, дать тебѣ лишь 1864 руб. и ни гроша больше. — Какъ такъ! Значитъ, я ничего не выигралъ? Вѣдь я самъ истратилъ 1864 руб. Гдѣ же мой доходъ? Зачѣмъ же я открывалъ фабрику? что она мнѣ принесла?

Къ чему вся эта комедія? Дѣйствительно, доходу бы не было, если бы нашъ фабрикантъ не попалъ на мысль оставлять своихъ работниковъ, отработавшихъ за свою плату шесть часовъ, работать на фабрикѣ болѣе продолжительное время.

— Какъ же — могли бы сказать работники фабриканту — ты заставляешь насъ работать дольше, а вѣдь всякій изъ насъ уже отработалъ свою плату; мы вѣдь уже доложили къ хлопчатой бумагѣ столько стоимости, сколько стоитъ наша рабочая сила.

— Что вы тамъ разсуждаете? Я вашу рабочую силу купилъ на цѣлый день, а не на 6 часовъ, и могу съ вами дѣлать въ этотъ день, что хочу. Не разсуждать, а работать!

И работники, которые послѣ 6 часовъ труда должны были бы оставить фабрику, пойти отдохнуть или работать на себя, остаются дольше и работаютъ еще 6 час.

Фабрикантъ выдаетъ имъ новый матеріалъ, и дѣло улаживается. Послѣ каждаго часа своего труда работники добавляютъ къ этой новой хлопчатой бумагѣ новую стоимость, и послѣ 6 часовъ труда каждый изъ нихъ добавитъ 6 часовъ стоимости. Понятно, что эта новая стоимость уже ничего не стоитъ фабриканту — она совершенно даровая. Одинъ работникъ, трудясь шесть часовъ, добавляетъ, такимъ образомъ, 6×10 коп. (если 1 часъ труда стоитъ 10 коп.) или 60 коп. стоимости. Сто работниковъ добавятъ въ 1 день въ сто разъ болѣе или 60 руб., а въ недѣлю, работая 6 дней, они доложатъ еще въ 6 разъ болѣе, или 360 рублей новой стоимости. Если теперь нашъ фабрикантъ захочетъ продать эту часть своей пряжи*), то сколько онъ за нее получитъ? Очевидно, что опять 1864 руб., потому что въ пряжѣ будетъ заключаться стоимость новой хлопчатой бумаги на 1400 руб., стоимость новыхъ машинъ на 80 руб., стоимость угля и газа на 24 руб. и наконецъ, стоимость 360 час. труда, полученныхъ имъ отъ рабочихъ даромъ. Теперь фабрикантъ уже охотно уступитъ за эту цѣну свою пряжу, ибо она стояла ему не 1864 руб., а лишь 1504 руб. (1400 руб. за хлопчатую бумагу, 80 руб. за машины, 24 руб. за уголь и газъ: $1400 + 80 + 24 = 1504$ руб.). Теперь уже очевидно, производство принесло доходъ.

Сдѣлаемъ теперь окончательный счетъ. Нашъ фабрикантъ выдалъ на хлопчатую бумагу 2 раза по 1400 р., т. е. 2800 руб., 2 раза по 80 руб. на машины, т. е. 160 р., 2 раза по 24 руб. на уголь и газъ, т. е. 48 р., и заплатилъ рабочимъ 360 р. или выдалъ всего на всего 3368 р. ($2800 + 160 + 48 + 360 = 3368$). Получить же онъ за первую половину пряжи 1864 руб., за другую тоже 1864 р. или за всю пряжу 3728 р. ($1864 + 1864 = 3728$), значить, прибылъ у него 360 р. ($3728 - 3368 = 360$).

Откуда же взялась эта прибыль? Очевидно, она явилась потому, что фабрикантъ ничего не заплатилъ ра-

*) Т. е. часть сработанную въ добавочные часы.